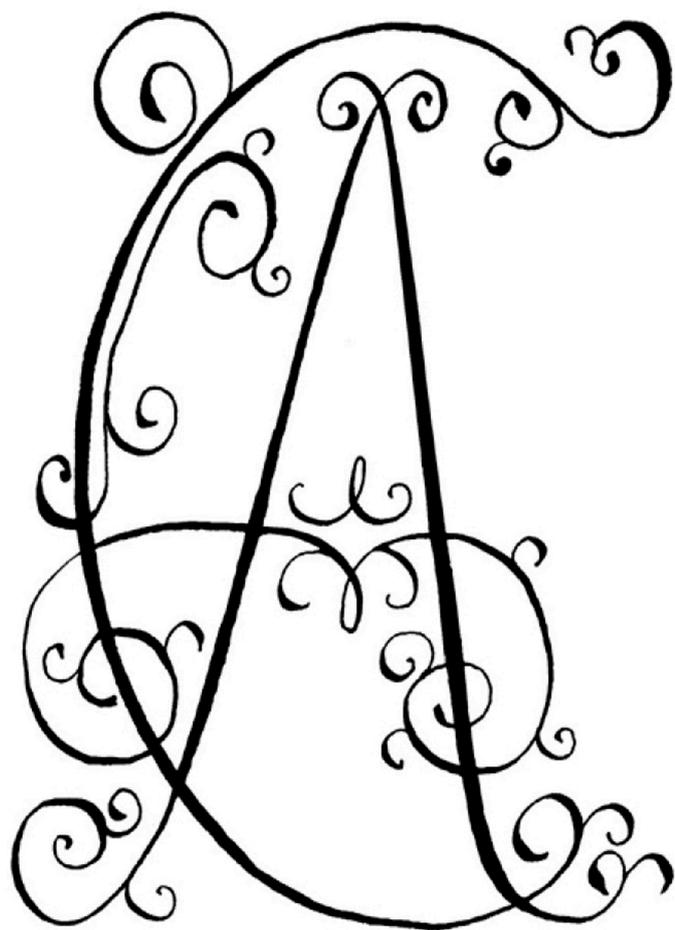

СЛАВЯНСКИЙ
АЛЬМАНАХ

2009

УДК 94(367)
ББК 63.3(4)
С 47

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Т. И. Вендина, профессор, доктор филологических наук
К. В. Никифоров, доктор исторических наук,
директор Института славяноведения РАН (отв. редактор)
М. А. Робинсон, доктор исторических наук
В. А. Хорев, профессор, доктор филологических наук
А. Л. Шемякин, доктор исторических наук

Ученый секретарь:

Е. П. Аксенова, кандидат исторических наук

Славянский альманах 2009. — М.: Индрик, 2010. — 464 с.
ISSN 2073-5731

Четырнадцатый выпуск альманаха содержит материалы международной научной конференции «Славянский мир: общность и многообразие», прошедшей в 2009 г. в Дни славянской письменности и культуры в Саратове, а также круглых столов, проводившихся в Москве. Традиционные разделы альманаха включают статьи по актуальным проблемам истории, литературы, культуры и языка славянских народов от эпохи Средневековья до современности. Книга рассчитана как на специалистов, так и на широкий круг читателей.

ISSN 2073-5731

© Институт славяноведения РАН, 2010
© Коллектив авторов, 2010
© Издательство «Индрик», 2010

Содержание

От редколлегии	9
----------------------	---

Пленарное заседание

<i>Гиппиус А. А. (Москва).</i> Кирилло-мефодиевская традиция на Руси и берестяные грамоты.....	10
<i>Кириллин В. М. (Москва).</i> Похвальные речи Пахомия Логофета: К вопросу о риторическом мастерстве писателя.....	32
<i>Турилов А. А. (Москва).</i> Кирилло-мефодиевская традиция и собрание рукописей Научной библиотеки Саратовского государственного университета.....	50
<i>Попкова Н. А. (Саратов).</i> Собрание рукописей и старопечатных книг Научной библиотеки Саратовского университета	60
<i>Крючкова О. Ю. (Саратов).</i> Диалектологический корпус как источник лингвокультурологического изучения русских народных говоров	67

История

<i>Флоря Б. Н. (Москва).</i> Летописец Даниила Галицкого и «Моление» Даниила Заточника как памятники древнерусской общественной мысли XIII в.	85
<i>Кочегаров К. А. (Москва).</i> Россия и славянские народы в XVII в.	110
<i>Лециловская И. И. (Москва).</i> Научная мысль в Хорватии и Славонии в XVIII в.	120
<i>Макарова Г. В. (Москва).</i> Контакты между русскими и поляками в начале XIX в. и их отражение в походных записках русских офицеров (1812–1813 гг.).....	132
<i>Аристов Л. Ю. (Москва).</i> О. М. Бодянский, Н. В. Гоголь и становление идеи «славянского единства» в России.....	150
<i>Досталь М. Ю. (Москва).</i> Н. И. Надеждин на пути к романтизму (Парадоксы и славистические опыты)	166
<i>Ващенко М. С. (Москва).</i> Хорватская тема в русской общественной мысли 1830–1870-х гг.	176
<i>Козловцева Е. Н. (Москва).</i> Русские сестры милосердия в Сербии и Болгарии (вторая половина XIX — начало XX в.).....	188

<i>Сератионова Е. П. (Москва)</i> . Чехи в России (вторая половина XIX — начало XX в.).....	196
<i>Аксенова Е. П. (Москва)</i> . Саратовский университет в истории славяноведения (Первые годы деятельности историко-филологического факультета).....	205
<i>Киреева Е. В. (Саратов)</i> . Славист профессор СГУ Т. М. Акимова (К 110-летию со дня рождения)	214
<i>Стыкалин А. С. (Москва)</i> . Проблемы межгосударственных отношений и национально-территориальных споров в социалистическом лагере (По материалам Президиума ЦК КПСС 1953–1964 гг.)....	225
<i>Исаева О. Н. (Саратов)</i> . Македонский дискурс в современной историографии	238

История культуры

<i>Терентьева Е. Ю. (Москва)</i> . Лингвистические особенности номинаций праздников Православной Церкви в русском и болгарском языках	246
<i>Полозова И. В. (Саратов)</i> . Библиотеки Иргизских и Черемшанских старообрядческих монастырей (К вопросу изучения рукописного певческого наследия).....	258
<i>Хачаянц А. Г. (Саратов)</i> . Древнерусская певческая традиция в рукописном наследии старообрядцев: канон и интерпретация ...	275
<i>Косик В. И. (Москва)</i> . Русские зодчие в Югославии.....	283
<i>Старикова Н. Н. (Москва)</i> . Историческая биография как попытка реконструкции творческой личности: «Роман о Прешерне» И. Ваште	301
<i>Созина Ю. А. (Москва)</i> . Между сокровенным и плакатным: военные стихи советских, македонских и словенских поэтов	314
<i>Анисимова Д. Ю. (Москва)</i> . Ментальные и эмотивные предикаты в лирике П. Яника и М. Руфуса.....	331

Языкознание

<i>Вендина Т. И. (Москва)</i> . Общеславянские лексические соответствия в пространственно-временном аспекте	344
<i>Орлова Н. М. (Саратов)</i> . Универсализм и смысловая динамика концептов библейского истока.....	369
<i>святц. Федор Людоговский (Москва), диакон Максим Плякин (Саратов)</i> . Литургические языки в Slavia Orthodoxa: современная ситуация	380

Публикации

<i>Соколовская О. В. (Москва)</i> . О начале Первой балканской войны 1912 г. (Несколько писем королевы эллинов Ольги).....	400
<i>Носкова А. Ф. (Москва)</i> . К истории выборов 1947 г. в Учредительный Сейм Польши	419

Рецензии

<i>Королькова П. В. (Москва)</i> . Новый труд по изучению славянской литературной сказки	427
<i>Дронов М. Ю. (Москва)</i> . Еще раз о Карпатской Украине	436
<i>С. О. Шмидт (Москва)</i> . Исследования и материалы по истории польского общественного движения середины XIX в.	440

Хроника

<i>Шведова Н. В. (Москва)</i> . Конференция «Н. В. Гоголь и славянские литературы»	446
<i>Силкин А. А. (Москва)</i> . Конференция «Человек на Балканах глазами русских наблюдателей (конец XIX — первая половина XX в.)»....	450
<i>Валева Е. Л. (Москва)</i> . 20 лет со времени начала демократических перемен в Центральной и Юго-Восточной Европе	456
Сведения об авторах	460

Content

From the Editorial Board.....	9
-------------------------------	---

Plenary Session

<i>Gippius A. A.</i> The Sts Cyril and Methodius Tradition in Rus' and Birchbark Literacy	10
<i>Kirillin V. M.</i> Eulogies by Pachomius Logophet: About the Rhetoric Mastership of the Writer	32
<i>Turilov A. A.</i> The Sts Cyril and Methodius Tradition and the Manuscript Collection of the Research Library of the Saratov State University	50
<i>Popkova N. A.</i> The Manuscript and books printed in Cyrillic type Collection of the Research Library of the Saratov University	60
<i>Kriuchkova O. Yu.</i> Dialect Corpus as a Source of Lingua-cultural Study of Russian Popular Dialects	67

History

<i>Florya B. N.</i> The Letopisets of Daniel of Galich and Praying of Daniel the Immured as Monuments of the Old Russian Social Thought of the 13th century	85
<i>Kochegarov K. A.</i> Russia and Slavic Peoples in the 17th century	110
<i>Leshchilovskaya I. I.</i> Scholarly Thought in Croatia and Slavonia in the 18th century	120
<i>Makarova G. V.</i> Russian-Polish Contacts in the Beginning of the 19th cent. and their Reflection in the Memoirs of Russian Officers (1812–1813) ...	132
<i>Aristova L. Yu. M. O.</i> Bodyansky, N. V. Gogol and the Formation of Idea of “Slavic Unity” in Russia	150
<i>Dostal' M. Yu. N. I.</i> Nadezhdin on his Way to Romanticism (Paradoxes and Slavistic Experiences)	166
<i>Vashchenko M. S.</i> Croatian Theme in the Russian Social Thought of 1830–1870-s	176
<i>Kozlovitseva E. N.</i> Russian Nurses in Serbia and Bulgaria (the second half of the 19th — the beginning of the 20th cent.)	188
<i>Serapionova E. P.</i> Czechs in Russia (the second half of the 19 th — the beginning of the 20 th cent.)	196

<i>Aksionova E. P.</i> The Saratov University in the History of Slavic Studies (The First Years of Activity of the Historical-Philological Faculty).....	205
<i>Kireeva E. V.</i> Specialist in Slavic Studies in the Saratov State University T. M. Akimova (by the 110th anniversary)	214
<i>Stykalin A. S.</i> Problems of Interstate Relations and National-Territory Contradictions in the Socialistic Union (On the Materials of the Presidium of the Central Committee of the CPSU 1953–1964).....	225
<i>Isaeva O. N.</i> Macedonian Discourse in Contemporary Historiography.....	238

Cultural History

<i>Terentieva E. Yu.</i> Linguistic Peculiarities of Nomination of Festivals in the Orthodox Church in Russian and Bulgarian Languages.....	246
<i>Polozova I. V.</i> Libraries of the Irgiz and Cheremshan Old Believers’ Cloisters (About Studies of Manuscript Singing Heritage).....	258
<i>Khachayants A. G.</i> Old Russian Singing Tradition in the Manuscript Heritage of Old Believers: Canon and Interpretation.....	275
<i>Kosik V. I.</i> Russian Architects in Yugoslavia	283
<i>Starikova N. N.</i> Historical Biography as an Attempt of Reconstruction of Creative Person: Novel on Presherne by I. Vashte.....	301
<i>Sozina Yu. A.</i> Between the Inmost and the Poster: Military Poems by Soviet, Macedonian and Slovenian Poets	314
<i>Anisimova D. Yu.</i> Mental and Emotive Predicates in Lyric of P. Yanik and M. Rufus	331

Linguistics

<i>Vendina T. I.</i> Common Slavic Lexical Correspondence in Space and Time Aspect.....	344
<i>Orlova N. M.</i> Universalism and Semantic Dynamics of Concepts of the Biblical Source.....	369
<i>priest Fedor Lyudogovskiy, deacon Maksim Plyakin.</i> Liturgical Languages in Slavia Orthodoxa: Contemporary Situation.....	380

Publications

<i>Sokolovskaya O. V.</i> On the Beginning of the First Balkan War of 1912 (Several Letters of the Queen of Hellenes Olga).....	400
<i>Noskova A. F.</i> About the History of Elections of 1947 to the Constituent Seim of Poland	419

 Reviews

<i>Korol'kova P. V.</i> A New Work in the Sphere of Studies in Slavic Literary Fairy Tales	427
<i>Dronov M. Yu.</i> Once More about the Carpathian Ukraine	436
<i>Shmidt S. O.</i> The Studies and Documents for the History of the Polish Social Movement in the middle of the XIX th century	440

Chronicle

<i>Shvedova N. V.</i> Conference «N. V. Gogol and Slavic Literatures»	446
<i>Silkin A. A.</i> Conference «The Person on the Balkans from the Point of View of Russian Observers» (the end of XIX th — first half of XX th century) ...	450
<i>Valeva E. L.</i> 20 years since the beginning of democratic changes in the Central and Southeast Europe	456
Data on authors	460

А. А. Гиппиус
(Москва)

Кирилло-мефодиевская традиция на Руси и берестяные грамоты¹

Статья посвящена вопросам происхождения традиции делового письма на Руси и ее соотношению с церковнославянской книжной традицией. Появление в Новгороде первых берестяных грамот в 30-х гг. XI в. трактуется как «побочный продукт» распространения церковного образования при Ярославе Мудром. Тесное переплетение светского и церковного начал в жизни древнего Людина конца рассматривается как фактор, обусловивший расцвет деловой письменности в этом районе города. Ключевые слова: *средневековая Русь, Древний Новгород, берестяные грамоты, деловая письменность, кирилло-мефодиевская традиция, светское, церковное.*

В рукописном наследии Древней Руси — наиболее обширной отрасли письменной традиции, основанной славянскими первоучителями, берестяные грамоты занимают совершенно особое место. Находясь на периферии этой традиции, они вместе с тем являются ярчайшим свидетельством того преобразующего воздействия, какое создание оригинального письма оказало на различные аспекты жизни средневекового славянского общества.

Прочерченные на бересте частные письма и деловые записи XI–XV вв. известны в славянском мире только на Руси и в общеевропейской перспективе также предстают как исключительное явление.

Внешне эту исключительность создает соединение бересты как писчего материала с техникой письма твердым инструментом по эластичной поверхности. И то и другое по отдельности встречается в разных культурных традициях. Написанные чернилами древнеиндийские берестяные книги и античные восковые таблички-церы, на которых, как и на бересте, писали заостренным металлическим или костяным стилосом, являются в этом отношении «сводными сестрами» берестяных грамот, совпадая с ними в одной из двух своих внешних характеристик (заметим, что как чернильные берестяные книги, так и церы были в разное время известны и на Руси).

Более близкие соответствия в иных культурных ареалах берестяные грамоты находят в функциональном плане, как памятники

делового, «практического» письма. Китайские и японские мокканы², клинописная переписка купцов древней Месопотамии, греческие папирусы бытового содержания из египетского Оксирина³, латинские грамоты на тонких деревянных табличках, найденные при раскопках римских фортов Виндоланда и Карлайл в Британии⁴, наконец, рунические документы XII–XIII вв. на обструганных деревянных палочках из норвежского Бергена⁵, — все эти письменные традиции содержат примеры текстов, подчас разительно напоминающих по содержанию, а и иногда и по форме, древнерусские письма и записи на бересте.

Специфика каждой из названных традиций делового письма обуславливалась не в последнюю очередь характером отношений, в которых такое письмо находилось с корпусом авторитетных для своего времени и региона письменных текстов, т. е. литературой. На Руси (и шире — в славянском мире) эти отношения определялись двумя факторами. Важнейшим из них была незначительность языковой дистанции, отделявшей живую восточнославянскую речь XI–XII вв. (даже в такой наиболее специфичной ее форме, как древненовгородский диалект) от литературного церковнославянского языка, воспринимавшегося восточными славянами как высокая, кодифицированная форма родной речи. Языковая доступность книжной культуры открывала возможность для распространения письма в быту, обуславливала ту легкость, с какой человек, освоивший азбуку и научившийся читать церковные книги, мог использовать этот навык для записи любого высказывания на родном языке.

Вторым фактором был строго конфессиональный характер церковнославянской литературы, возникшей в результате перевода на славянский язык корпуса основных христианских текстов. Среди европейских письменных традиций славянское письмо выделяет, как известно, именно его миссионерское происхождение. И греческое, и латинское, и скандинавское руническое письмо, хотя и являлись в разное время и в разной степени носителями христианской традиции, не были связаны с ней от рождения; появление христианства — в случае с греческим и латинским, и принятие его — в случае с руническим письмом, заставляло письмо уже сложившимся. Славянское письмо было создано специально для записи основ христианского вероучения, создано, по словам черноризца Храбра, святым мужем, что сообщало самому этому письму ореол сакральности.

С точки зрения перспектив распространения делового письма данное обстоятельство могло бы сыграть роль негативного фактора,

сдерживая это распространение как нарушающее конфессиональную чистоту письменной традиции. Выход миссионерского письма за пределы конфессиональной сферы есть, вообще говоря, не что иное, как его профанация (в буквальном смысле этого слова), со всеми вытекающими отсюда проблемами. Свидетельством озабоченности, которую бурный рост светской грамотности мог вызывать в клирических кругах, является знаменитый вопрос Кирика Новгородца, заданный им епископу Нифонту где-то в середине XII в.: «Нѣсть ли въ томъ грѣха, аже по грамотамъ ходити ногами, аже кто изрѣзавъ помечеть, а слова будуть знати?»⁶. Характерно, впрочем, что Нифонт не удостоил этот вопрос ответом («Ти онъ помолче», как сказано в «особой» редакции «Вопрошания Кирика»): представление о сакральности письма как такового воспитанному на византийской традиции новгородскому иерарху было, естественно, чуждо; существование же, параллельно с церковной книжностью, светского делового письма было в эту эпоху уже свершившимся фактом.

Откуда берет свое начало деловая письменность древней Руси и в каком отношении находится к книжной традиции? В общеславянской перспективе вторичность употребления письма в практической сфере по отношению к его употреблению в сфере конфессиональной не вызывает сомнений и прямо проистекает из хорошо известных обстоятельств возникновения славянской письменности. Значит ли это, что так же обстояло дело и на Руси или же знакомство восточных славян с письмом предшествовало массовому распространению на ее землях церковнославянской книжности? Полуторавековая дистанция, отделяющая появление первых достоверных памятников древнерусской письменности от эпохи Константина и Мефодия, делает эти вопросы предметом разноречивых спекуляций.

Традиционная точка зрения связывает начало письменности на Руси с актом крещения Владимира Святославича в 988 г., сразу после которого Владимир, согласно «Повести временных лет», «нача поимати у нарочитые чади дѣти, и даяти нача на ученье книжное»⁷. Параллельно с этим «каноническим» взглядом существовало и существует представление, согласно которому Русь знала письмо и до официального крещения.

Вопрос о существовании у восточных славян оригинальной письменности в докирилломефодиевскую эпоху в настоящее время принадлежит скорее к истории науки, и здесь мы его касаться не будем. Серьезного обсуждения заслуживает лишь возможность раннего знакомства восточных славян с кирилло-мефодиевской пись-

менной традицией в двух ее графических воплощениях — глаголическом и кириллическом. Теоретически такое знакомство вполне могло иметь место и помимо процесса христианизации — в ходе развития торгово-экономических связей Руси с Византией и Болгарией. Графические следы его остаются, однако, более чем скромными вплоть до конца X в.

Ни одной достоверной буквы глаголицы от этого времени с территории Руси до нас не дошло. С кириллицей ситуация более сложная. Несколько археологических объектов с надписями, датированных в пределах X в., традиционно рассматриваются в качестве свидетельства использования кириллического письма на Руси в коммерческой и административной сфере до официального крещения. Если бы такое использование имело место, были бы все основания считать традицию бытового письма, представленную берестяными грамотами, генетически связанной с этим коммерческим письмом дохристианской эпохи.

Именно такой взгляд представлен в последнем по времени концептуальном очерке ранней истории письма на Руси, принадлежащем перу известного британского русиста Саймона Франклина. Столетие с середины X по середину XI в. С. Франклин рассматривает как время «вызревания» русской письменности, не подразделяя его на периоды до и после 988 г.: «Структура сохранившихся свидетельств использования письма спустя полстолетия после официального крещения существенно не отличается от структуры сохранившихся свидетельств его использования за полстолетия до официального крещения. Никакой очевидной разделяющей черты около 988 г. не обнаруживается»⁸. Отмечая при этом, что «самые ранние образцы славянского письма на Руси происходят из неконфессиональных контекстов», С. Франклин, по существу, признает независимый от книжной традиции генезис делового письма на восточнославянской территории. Формирование письменной культуры в этот «период созревания» шло, как полагает исследователь, двумя относительно независимыми друг от друга путями: катализаторами его были, с одной стороны, церковные институты, а с другой — спонтанная коммерческая и административная деятельность. В том, что касается раннего появления письма в торгово-административной сфере, эта концепция сближается с изложенной в монографии А. А. Медынцева, обобщающей эпиграфические свидетельства распространения грамотности в домонгольской Руси⁹, — с той разницей, что А. А. Медынцева, следуя устоявшейся традиции, сохраняет за крещением Владимира

значение исторического рубежа в развитии древнерусской письменной культуры, которое отрицает С. Франклин.

Фактическое основание, на котором базируется представление о пусть и ограниченном, но все же достаточно заметном использовании на Руси славянской грамоты в «дохристианскую» эпоху, оказывается при ближайшем рассмотрении на удивление шатким. Круг реальных свидетельств такого использования, приводимых в обзорах А. А. Медынцевой и С. Франклина, образуют всего четыре предмета: корчага из Гнёздова со знаменитой надписью, печать Святослава Игоревича и новгородские деревянные цилиндрические бирки (цилиндры) №№ 6 и 7, предположительно датируемые 970–980 гг. Достаточно ли этого, чтобы говорить об освоенности славянского письма в деловых контекстах в эпоху до официального крещения? Если бы атрибуция названных свидетельств как восточнославянских надписей указанной эпохи была абсолютно надежной, ответ на этот вопрос, по-видимому, должен был бы быть утвердительным. Между тем достоверность такой атрибуции в каждом из четырех случаев оказывается сомнительной¹⁰.

Гнёздовскую надпись с уверенностью считать кириллической невозможно: хотя записанное слово (скорее всего, притяжательное прилагательное *Горуня*, называющее имя владельца) — несомненно славянское, письмо может быть и греческим¹¹. С другой стороны, существует значительная вероятность того, что амфора, принадлежавшая одному из «русов», совершавших военные и торговые экспедиции в Византию, была куплена или захвачена в Причерноморье с уже процарапанной на ней надписью, которая в таком случае вполне может представлять собой памятник болгарской, а не русской эпиграфики¹². Атрибуция печати Святослава Игоревича основывается на княжеском знаке, а не на надписи, которая прочтению не поддается¹³; даже угадывая в ней, вслед за Н. П. Лихачевым, буквы СТЛА, нет никаких оснований считать надпись кириллической, а не греческой (что теоретически более вероятно, учитывая, что печати от русских князей требовала, согласно договору 944 г., Византия).

Наиболее сложно, можно сказать драматично, обстоит дело с новгородскими цилиндрами. Надпись на цилиндре № 6, представляющая собой записанную кириллицей полноценную славянскую фразу, до самого последнего времени служила главным (а по сути дела — единственным) свидетельством использования на Руси кириллического письма в административных целях до официального крещения. Между тем датировка обоих цилиндров основывалась не

на стратиграфии, а на далеко не бесспорной атрибуции нанесенных на них княжеских знаков. После открытия на Троицком раскопе в 1999 г. комплекса из 38 таких же цилиндров, происходящего из слоев середины XI — первой четверти XII в., проблематичность датировки сделалась особенно явной. Как замечает В. Л. Янин, «отсутствие других аналогичных находок столь раннего времени, как будто, переносит цилиндры №№ 6 и 7 в контекст несколько более позднего времени, хотя формально хронологические рамки их датирования по-прежнему замыкаются между 973 и 1051 гг.»¹⁴. При всей осторожности этой формулировки из нее вытекает вполне однозначный вывод: как памятники «дохристианской» древнерусской письменности новгородские цилиндры более рассматриваться не могут. А с ними и сама эта письменность отходит в область «виртуального».

Принципиально иная картина наблюдается по другую сторону от 988 г. Здесь славянское письмо появляется сразу, тиражированное и заявленное на монетах Владимира в качестве одной из составляющих новой идеологической и культурной программы¹⁵. Свидетельством административного использования кириллического письма в первые десятилетия после крещения являются также печати Святополка, Ярослава и Глеба Владимировичей¹⁶. Наконец, с сенсационной находкой Новгородского воскового кодекса¹⁷ реальностью сделалась и книжная культура этой эпохи. В свете этих материальных свидетельств почву под ногами обретают и гипотезы, возводящие к концу X и началу XI в. протографы ранних редакций Устава Владимира и Русской правды, первые шаги древнерусской агии- и гимнографии, летописания.

Таким образом, если по одну сторону рубежа 988 г. свидетельства использования кириллического письма на Руси оказываются при ближайшем рассмотрении мнимыми, то по другую его сторону, для первых же десятилетий после официального крещения, число их медленно, но неуклонно прибывает. Акт Владимира предстает, таким образом, не эмблематичной датой, но вполне реальным началом русской письменной традиции. С другой стороны, нет оснований говорить об опережающем, по сравнению с развитием церковного, книжного письма, распространении на Руси «коммерческого письма» и его независимом, в рамках древнерусской ситуации, генезисе.

Славянское письмо, созданное солунскими братьями как орудие распространения христианского вероучения, было слишком прочно связано с христианством, чтобы усваиваться и развиваться вне его. И хотя к середине X в. кириллическое письмо у южных славян

успело выйти за рамки собственно церковной сферы, возможность первоначального восприятия его Русью из нецерковных, коммерческих контекстов кажется в принципе сомнительной. Теоретически можно, конечно, представить себе русского купца X в. осваивающим кириллическую азбуку по надписям на болгарских амфорах как идеологически нейтральную «информационную технологию», облегчающую ведение торговых операций. Но так ли велика была коммерческая выгода и стоила ли игра свеч? Более реалистично было бы связать древнейшие (до конца X в.) свидетельства практического использования письма на Руси с начальным распространением на ее землях христианства. Но, как мы уже видели, необходимости в этом нет, поскольку надежные свидетельства такого рода просто отсутствуют.

Как массовое явление, каким оно становится в XI в., деловое письмо является на Руси не продолжением тянущейся с середины X в. светской традиции, а таким же, как в свое время в Болгарии, «побочным продуктом» развития книжной культуры. В этом отношении чрезвычайно показателен тот факт, что Новгородский восковой кодекс — сколь бы уникальной ни была эта находка — хронологически почти на четверть века опережает появление первых берестяных грамот. Важно также, что береста как писчий материал впервые заявляет о себе не в коммерческой или административной сфере: древнейшие из найденных к настоящему времени грамот — иконка с изображениями Христа и св. Варвары (№ 915 И 30-е гг. XI в.; рис. 1) и азбука (№ 591, 30-е гг. XI в.; рис. 2).

Можно думать, что началу делового письма на бересте предшествовало ее использование в околоцерковной сфере, в частности — при обучении грамоте, носившем на Руси, как и во всем православном славянском мире, катехитический характер и осуществлявшемся на основе Псалтыри. Новгородский восковой кодекс далеко не случайно содержит именно текст псалмов — использование его как учебного пособия кажется наиболее вероятным.

По-видимому, именно с прогрессом школьного образования следует связывать внезапное появление берестяных грамот спустя примерно сорок лет после крещения Руси. Этот скачок — одно из проявлений общего всплеска письменной активности, происходящего на середину XI в. «Открытие светской концепции письма», как с полным основанием характеризует данный феномен итальянский рунист Ремо Факкани¹⁸, требовало наличия определенной культурной среды, которая в первые десятилетия после 988 г. еще отсутствовала.

БЕРЕСТЯНАЯ ИКОНА (915-И)

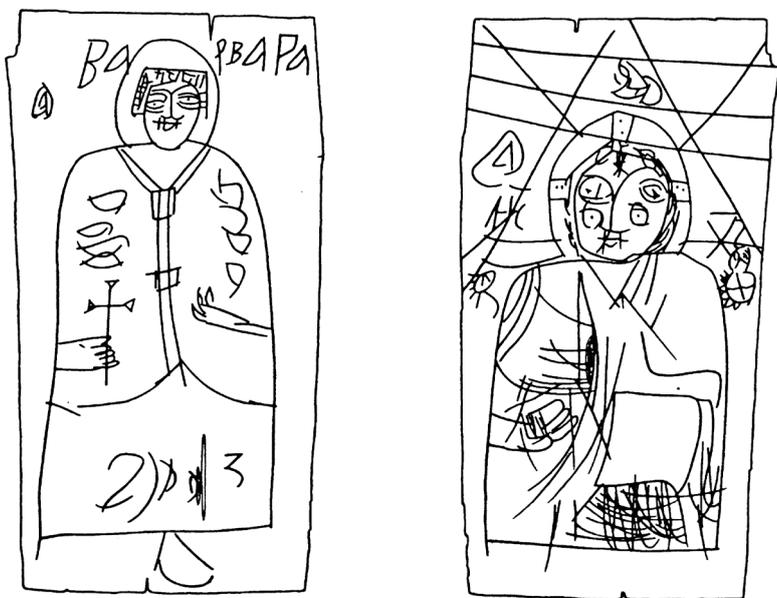

Рис. 1. Грамота № 915 И (30-е гг. XI в.). Берестяная иконка. Св. Варвара.

Чтобы это открытие произошло, должно было вырасти поколение грамотной элиты, воспитанное в уже христианизированной стране, на основе уже возникшей — пусть и в очень ограниченных масштабах — местной письменной традиции; поколение, воспринимавшее письмо как данность, а не как культурное откровение, обретенное вместе с религиозным обращением и немислимое вне и помимо церковных институтов.

Выход на историческую сцену этого нового поколения засвидетельствовала известная запись, читаемая под 1030 г. в летописях Новгородско-Софийской группы: «Сем же лѣтъ иде Ярославъ на чюдю, и побѣди я, и постави град Юрьев. И приде к Новуграду. И събра от старость и от попов дѣтии 300 учити книгам. И преставися архиепископ Акимъ; и бяше ученикъ его Ефремъ, иже ны учаше»¹⁹. Слова

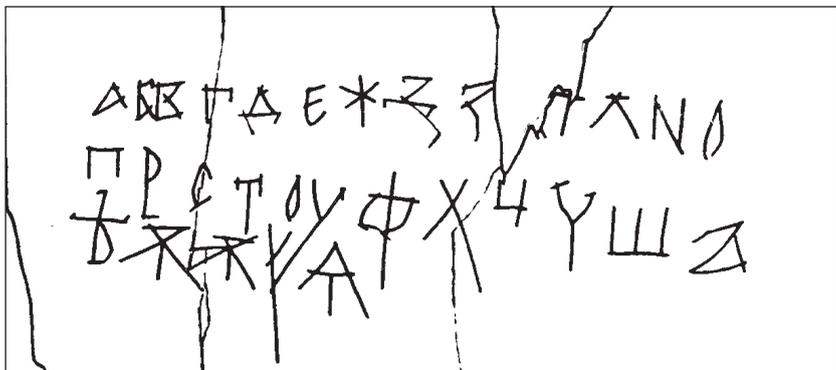

Рис. 2. Грамота № 591 (30-е гг. XI в.). Древнейшая русская азбука.

«иже ны учаше» придают этой информации особую ценность как показанию от первого лица, принадлежащему одному из учеников, севших за парты в 1030 г. по приказанию Ярослава. К этому поколению первых новгородских школьников могли принадлежать и поп Упырь Лихой, переписавший в 1047 г. для князя Владимира Ярославича «ис куриловице» (т. е., по-видимому, с глаголического оригинала) рукопись Толковых пророков, и писец Остромирова евангелия 1057 г. дьякон Григорий, но также и авторы первых надписей-граффити в Новгородском Софийском соборе и первых берестяных грамот.

Итак, бытовая письменность на бересте возникает на Руси во второй четверти XI в. как побочный продукт развития церковного школьного образования. Характерно, что два древнейших известных ныне берестяных письма, не являясь церковными документами, затрагивают вместе с тем, каждое по-своему, жизнь Церкви. В грамоте № 246 предметом конфликта выступает «честное древо» (по всей вероятности, крест-реликварий с фрагментом Истинного креста), а в грамоте № 247, представляющей собой донесение новгородской администрации в связи с ложным обвинением в краже, упоминается сумма, взысканная с участвующего в деле смерда в пользу епископа.

Собственно церковные тексты составляют лишь около 5% от общего числа берестяных грамот, но само присутствие их в репертуаре ранней берестяной письменности исключительно значимо. Церковное письмо на бересте составляет своего рода промежуточное звено между церковной письменностью на пергамене и светской письменностью на бересте. Можно думать, что оно служило и образ-

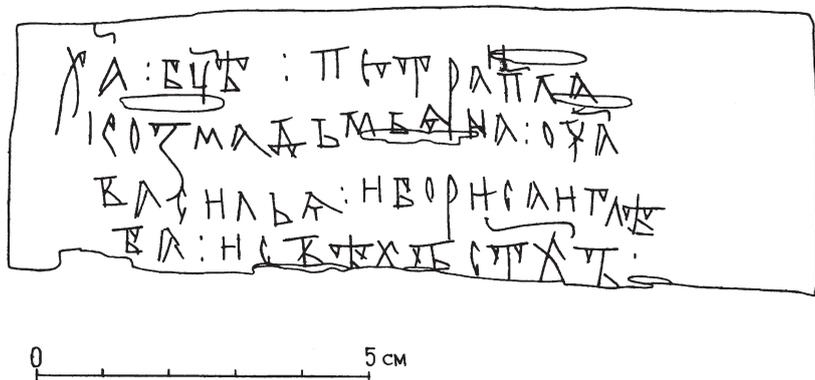

Рис. 3. Грамота № 906 (3-я четв. XI в.). Ключевые слова отпуска (среди святых — Борис и Глеб).

цом, примером для подражания, которому следовали авторы первых записей на бересте светского характера. Поп, записавший «конспект» богослужебного отпуска, завершающего церковную службу (грамота № 906, 3-я четв. XI в. — древнейший документ, упоминающий св. Бориса и Глеба; рис. 3), и ростовщик, составивший список своих должников (см. грамоту № 526, того же времени), — оба делали записи для памяти, облегчавшие выполнение ими их социальных ролей, и надо полагать, что второй при этом ориентировался на первого, перенимая практику письменной фиксации информации, принятую в Церкви. Мирская деловая письменность возникала, таким образом, буквально на пороге храма, а если учесть активную вовлеченность клириков в дела светской администрации (о чем см. ниже), то и непосредственно в его стенах.

Если светское деловое письмо было действительно обязано своим появлением влиянию церковного, то должна существовать корреляция между уровнем развития одного и другого. Именно это мы наблюдаем, сопоставляя два основных комплекса новгородских берестяных грамот домонгольского времени, найденных на Неревском и Троицком раскопах. Хотя по своей площади Неревский раскоп в полтора раза превосходит Троицкий, количество «троицких» берестяных грамот, относящихся к домонгольскому времени (295), вчетверо превышает число «неревских» (74). При этом если среди грамот Неревского раскопа церковные документы отсутствуют вовсе, то среди грамот Троицкого раскопа они насчитывают 29 документов, т. е. составляют около 10%.

Эти различия могут быть, теоретически, объяснены независимо друг от друга. Интенсивность светской берестяной переписки и документации на территории, исследованной на Троицком раскопе, объясняет элитарный характер населения этой части древнего Людина конца и присутствие здесь светских административных структур. Масштаб этого присутствия в полном объеме раскрылся в ходе раскопок 1998–1999 гг., когда были исследованы напластования XII в. усадьбы «Е» и выяснено, что в середине этого столетия усадьба служила местопребыванием крупного судебно-административного центра общегородского значения²⁰. Среди фигурантов берестяной переписки, отразившей деятельность этой судебной инстанции, — видные политические деятели своего времени, такие как посадник Якун Мирославич и боярин Петр Михалкович, в 1156 г. выдавший дочь за новгородского князя Мстислава Юрьевича, сына Юрия Долгорукого²¹.

Относительно большой удельный вес церковных документов в письменной продукции усадеб Троицкого раскопа объясним уже тем, что улица, диагонально пересекавшая эту территорию, носила название Черницыной. Переписка монахинь располагавшегося на ней Варварина монастыря дошла до нас в берестяных грамотах № 657, 682, 717 и ряде других. Неподалеку, напротив усадьбы «Е» относительно Пробойной улицы Людина конца находилась не менее знаменитая усадьба «А», на которой в 1970-х гг. была исследована мастерская новгородского художника XII в. Олисея Петровича Гречина и найдены адресованные ему грамоты. Олисей Гречин — персонаж, также известный летописи. Он расписал в 1195 г. надвратный храм Ризоположения в новгородском Детинце, а в 1193 г. был одним из претендентов на выборах архиепископа²².

Важнее всего, однако, что светская жизнь и жизнь церковная, столь интенсивно протекавшие в этом районе Новгорода, были теснейшим образом связаны между собой. Ярче всего их переплетение демонстрирует фигура того же Олисея Гречина, бывшего не только церковным художником и священником, но также боярином и администратором высокого ранга. Сын уже упомянутого Петра Михалковича, он в конце XII в. на пару с посадником Мирославом (Мирошкой) Несдиничем разбирал судебные дела, подобно тому, как это в свое время делал его отец вместе с Якуном Мирославичем. Два адресованных Гречину письма весьма выразительно представляют две стороны его личности. Это — заказ на написание двух икон серафимов (№ 549)²³:

**Покланѧние Ѡ попа къ Гръциноу. Напиши ми шестокрїленаѧ
англа 2 на довоу иконокоу на верхо деисѡсоу. И цѡлоую тѧ.
А Бѣ за мѣздоу или ладивьсѧ.**

‘Поклон от попа Гречину. Напиши для меня двух шестокры-
лых ангелов на двух иконках, [чтобы поставить] сверху деисуса.
Приветствую тебя. А Бог вознаградит или сладимся (о цене)’

и записка, посланная посадником непосредственно в ходе судебного заседания (№ 502):

**Ѡ Мирслава къ Олисьеви ко Грѣциноу. А тоу ти вѣнидѣте
Гавько Полоцанино. Прашаи его, кодь ти на господь витаеть.
Ать ти видьло, како ти было ѧ Ивана ѧль, постави и пьредь
людьми, како ти взмолвить.**

‘От Мир(о)слава к Олисею Гречину. Тут войдет Гавко-полочанин.
Спрашивай у него, где он стоит на постое. Если он видел, как я
Ивана арестовал, поставь его перед свидетелями, как он скажет
(т. е. перед теми свидетелями, которых он назовет)’

Теснейшие личные и экономические узы связывали с жизнью боярских усадеб Людина конца и находившийся в гуще городской застройки Варварин монастырь. В грамоте № 675 Пелага сообщает Олфимье, что деньги, предназначенные для монастыря св. Варвары, находятся в городе, у Жирослава:

**+ Покланѧние Ѡ Пелаге ка Аѡимие. Сь стѣе дѣля Варьвре
вверѣце твое въ городъ Ѡ Домацка, а оу Жирослава соутъ. А
потоснисѧ въ городъ. А стѣе Варьварь тѣлиця, сторова ли?**

‘Поклон от Пелаги Офимье. Вот, деньги твои от Домачка, [пред-
назначенные] для [монастыря] святой Варвары, в городе; а лежат
у Жирослава. Поспеси же в город. А телка святой Варвары здо-
рова ли?’

Жирослав с высокой вероятностью идентифицируется с новгородским посадником, трижды занимавшим этот пост в 1170–1175 гг. По убедительному предположению А. Е. Мусина, Офимья (Евфимия) — дочь Жирослава, тождественная упоминаемой в Новгородской летописи «Жирошкиной дочери», основавшей в 1198 г. Евфимьевский монастырь — очевидно, в честь своей небесной покровительницы²⁴. Такого рода контакты делают понятным, почему